

Кафедра

Р. Чепайтене

Раса Чепайтене (Вильнюс, Литва) — доктор гуманитарных наук, старший научный сотрудник Института Истории Литвы, профессор Вильнюсского университета. Email: rasa.cepaitiene@if.vu.lt

ГОРОД КАК ТЕКСТ

В научной статье исследуются вопросы влияния разных идеологических систем и политических режимов (национализма, коммунизма, авторитаризма, неолиберализма) на урбанистику и архитектуру на промежутке XX — начала XXI столетий. Опираясь на теории визуальной семиотики и коллективной памяти анализируются публичные пространства стран постсоветского ареала. Ставится вопрос, почему и каким образом разные политические режимы изменяют облик городов своих стран (особенно столицы) и какие последствия эти действия имеют на образ жизни и самосознание горожан. Исключительный интерес к данному региону не случаен, поскольку в нем видны особенно яркие следы идеологических манипуляций городским ландшафтом. В статье затронуты и наиболее пристально проанализированы такие конкретные случаи идеологической манипуляции городом, как влияние тоталитарной (Москва, Минск), авторитарной (Ашхабад, Астана), националистической (Вильнюс) и современной неолиберальной ценностных систем.

Ключевые слова: идеология, урбанистический ландшафт, семиотика пространства

R. Čepaitienė

Rasa Čepaitienė (Vilnius, Lithuania) — Doctor of Humanities, Senior Research Fellow at Lithuanian Institute of History, Professor at Vilnius University. Email: rasa.cepaitiene@if.vu.lt

THE CITY AS A TEXT

This paper examines the problems of impact of different ideological systems and political regimes (nationalism, communism, authoritarianism, neo-liberalism) on urban landscapes in XX-XXI cent. On the base of semiotics theory and collective memory studies (particularly using the theory by G. J. Ashworth), the public city space of the post-Soviet region is scrutinized. One of the important questions of the study is why and how different political regimes change the image of the cities, especially capitals, and what the consequences of these changes in relation to citizens' way of life and self-understanding are. Particular interest to this region is not accidental because of the especially sharp traces of the ideological manipulation with cityscape. This research notably focused on the cases of ideological control of cities in totalitarian (Moscow, Minsk), authoritarian (Astana, Ashgabat), nationalist and multi-cultural (Vilnius) and contemporary neoliberal systems of values.

Keywords: ideology, urban landscape, semiology of space

Введение

*Мы создаем наши дома, а затем наши дома создают нас
Уинстон Черчилль
Из речи на заседании Ассоциации архитекторов (1924 г.)*

Город — урбанистическая структура высокого уровня сложности и многогранности, которая в течение долгих веков сложилась во взаимодействии природы и культуры. Ее можно разделить на несколько основных пластов: природно-культурный ландшафт; сеть улиц и обще-

ственных пространств, формирующую кварталы, которые в свою очередь делятся на владения; собственно архитектуру (здания и строения); и пространственный пласт — визуальные доминанты города, его панорамы и силуэты. Тем самым визуальный облик города содержит в себе то, что сей-

час модно называть идентичностью места (*place identity*) [20], т. е. многообразной и многозначной системой символов, закодировавшей в своем материальном и духовном облике (*genius loci*) изменение мировоззрения создавшего и создающего его общества. Это не только осязаемый, физический пласт, составленный из природных и культурных элементов — кварталов, улиц, публичных пространств, ансамбля или единичных построек, парков, скверов, кладбищ, зеленых насаждений и других объектов, но и неосязаемая его составная — культурно-идеологические значения этих мест, городской образ жизни, выдающиеся личности, легенды, предания, даже анекдоты и пр.

Социологи заметили, что групповую идентичность определяет не только язык, кровь, выбор, место жительства или другие критерии, но и географически и дискурсивно обусловленная территория. Поэтому ландшафт, особенно городской, воспринимается как место, в котором может быть создана и охраняема национальная или любая другая идентичность. Как известно, в процессе социализации индивидов город выполняет скорее косвенную, но довольно значимую образовательную функцию, олицетворяя и репродуцируя доминирующие социокультурные идеи и способствуя появлению особого типа коллективного самосознания. Поэтому более внимательный взгляд без труда сможет в структуре города усмотреть следы различных культурных наслоений, воспроизводящих разные идеологические сообщения.

Сегодня специалисты уже не сомневаются в значимости и влиянии идеологии или, в более узком смысле, культурной политики конкретного периода на появление и развитие урбанистических структур. Кроме того, семиотики утверждают, что городской ландшафт как текст создает когерентный ансамбль знаков и таким образом может действовать как система значений [19], иначе говоря, как дискурс высокой сложности или язык [8], в котором закодирован целый ряд политических, экономических, социальных и культурных понятий [18]. Местность и особенно архитектура, по мнению У. Эко, «представляется совокупностью знаков и символов, денотирующих (означающих) утилитарные функции сооружения и коннотирующих его символический смысл» [19, с. 276]. Таким образом знаки становятся средством коммуникации, позволяющей создавать и передавать символические значения. Это означает не только то, что архитектура и урбанистика полны знаков, порождающих символические значения, но и то, что по сути они сами являются символами (например, европейский

город как символ Западной цивилизации). Наконец, групповая идентичность всегда создается в особой социальной, исторической и политической среде и поэтому становится идеологическим нарративом, который помогает тому, что «чуждо» или «официально», стать «своим», «неофициальным» и «фамильярным» [7, с. 11-12]. Такой гомогенный и довольно ясный нарратив часто прочитывается в столицах национальных государств.

Опираясь на вышеупомянутые теоретические положения, что город является дискурсом и текстом, заимствованные у представителей городской семиотики [17; 33; 22], мы вынуждены идти дальше и ставить вопрос о его синтаксисе (структуре знаковых систем), семантике (обозначающей смысл и значение) и прагматике (реакции читателя на этот текст и его впечатления). Исследуя эти аспекты, сразу столкнемся с проблемой, что города выражают и передают значения при помощи кодов. Значит, надо уметь закодировать и раскодировать их, но беда в том, что нет универсального кода, одной «отмычки», которая подошла бы ко всем случаям. По мнению Г. Е. Эшворта, кодировки бывают разными, и они со временем меняются. Поэтому надо смотреть на город не как на ясный и легко прочитаемый текст, как думал Р. Барт, а, скорее, как на Вавилонскую башню, где все говорят на разных языках и друг друга не понимают [4].

Одни из этих городских «языков» понятны лишь некоторым жителям, другие — настолько обычны, что никто на них уже не обращает внимания, есть и устаревшие или доступные лишь исследователям мертвых языков [4, с. 264]... Разнообразие и богатство местных «наречий» не столько отражает какую-то систему и порядок, сколько, наоборот, грозит какофонией и хаосом... Несмотря на эти сложности, цель данной статьи, опираясь на теоретико-методологические положения семиологии, социологии архитектуры и урбанистики, теории коммуникации и концепции коллективной памяти и культурного наследия, — проанализировать, с какими намерениями и каким образом разные идеологические доктрины и политические режимы создают, изменяют и влияют на физический и символический облик города. Основной задачей исследования является попытка ответить на вопросы — кого конкретно можно считать «автором» этого идеологического текста; каковы были/есть его мотивы и цели; к какому условному «жанру» можно отнести данный текст; что он обозначает; какие средства были применены при его создании и, наконец, какое впечатление он производит на читателя, т. е. как читатель его воспринимает и интерпретирует?

[6] Другой важный вопрос — это отношение конкретной идеологической системы к урбанистическому и архитектурному наследию в контексте ее видения города, — который мы попытаемся обсудить в конце статьи.

При конкретизации задания неизбежно возникают проблемы с определением того, что же собственно считать идеологией, и как она взаимодействует с конкретным типом политического режима. По мнению конструктивистов, идеология является средством для гомогенизации общественных отношений. Термин *идеология* еще в конце XVIII в. первым употребил французский мыслитель Дестют де Траси. Сегодня часто используется марксистское понятие идеологии как системы идей, предназначенной для утверждения политической и/или экономической власти, либо как «ложное сознание» или партийно-политическая доктрина. Для нас важно, что идеология как система социальных взглядов определяется через ее отношение к групповой идентичности (соотношение создаваемой общности и индивидуализма), традициям, ценностям, коллективной памяти, что помогает ориентации во времени и пространстве, но не может избежать и разного уровня искажений, стереотипизаций и фальсификаций прошлого [26] и т. д.

Учитывая все это, для исследования были выбраны такие идеологические системы, как *национализм*, *марксизм* и (*нео*)*либерализм* во взаимосочетании с политико-экономическими режимами, как *тоталитаризм* (СССР в эпоху правления И. Сталина и нацистская Германия), *авторитаризм* (Ближний Восток и постсоветские среднеазиатские государства) и *демократия и свободный рынок* (потребительский капитализм постиндустриального информационного общества развитых Западных стран). Очевидно, что данные системы могут между собой создавать разные комбинации. Например, немецкий нацизм можно считать крайней формой национализма — шовинизмом, авторитаризм (хотя не обязательно) тоже может успешно опираться на эту идеологическую доктрину и пр. При исследовании влияния идеологии на урбанистику и архитектуру, эти доктрины нам показались наиболее выразительными и информативными. Тем более, что все они так или иначе затронули/затрагивают (пост)советское пространство, которое в XX-XXI вв. стало полем для гигантского социального эксперимента по созданию нового типа человека и общества. Поэтому в качестве иллюстраций замеченных тенденций далее будет кратко описано и несколько конкретных случаев

(*case studies*) идеологической манипуляции публичным пространством города.

1. Проблема авторства и мотива

Здравый смысл указал бы на то, что попытка найти одного «автора» городского идеологического текста заранее обречена на провал, ведь она закончилась бы настолько длинным списком «авторов», что от него не было бы никакого толка... Но также можно утверждать, что исторические города не были результатом самопроизвольного, естественного развития — «дарвиновской эволюции». Скорее, они были кем-то созданы с определенными целями [4]. Так кто же имел/имеет силу сознательно формировать коллективную идентичность и распоряжаться историческим сознанием общества?

На этот вопрос социологи дают несколько ответов:

1) «*концепт политической легитимации*», введенный Ю. Хабермасом, утверждает, что правительства или отдельные влиятельные индивиды имеют склонность к подтверждению и укреплению своей политической власти при помощи некоторых аспектов или элементов прошлого [23];

2) «*тезис доминирующей идеологии*», предложенный Н. Аберкромби и другими [2], обращает внимание на то, что доминирующие социальные группы пытаются внушить подчиненным слоям свои ценности и взгляды, а последние, в свою очередь, проявляют к этому символическое сопротивление, занимаясь созданием альтернативных ценностей;

3) «*тезис культурного капитала*», проанализированный П. Бурдьё [12], более широко рассматривает вышеупомянутые идеи, утверждая, что, кроме экономического и политического капитала, существует еще и культурный, охватывающий не только материю зданий или произведений искусства, но и стандарты эстетического вкуса, которыми обладает конкретное общество.

Все вышеупомянутые рассуждения социологов тесно связаны между собой. Таким образом, при помощи трансформации и адаптации городского ландшафта к требованиям конкретной идеологии и ее «политики памяти», инструментально идет попытка внедрения или консолидации своеобразного морального порядка.

Учитывая эти замечания, наше исследование все-таки вынуждено ограничиться восприятием города как текста, основным (но, конечно, не единственным) автором которого являются политическая и экономическая элиты. Такое самоограничение (модель *сверху вниз*) хотя и резко упрощает реальную ситуацию, но оправдано по

двум причинам. Прежде всего, именно представители властей имеют больше возможностей и силы на принятие основных осознанных урбанистических и архитектурных решений, а собственно архитекторы и урбанисты являются лишь исполнителями государственных или частных заказов. Второе, их видение города и через него передаваемые идеологические сообщения наиболее легко расшифровать, в отличие от намерений других, альтернативных «писателей» городского текста (модель *снизу вверх*), которые не так просто поддаются исследованию и объяснению¹ из-за своей многочисленности и неоднородности, тем более что ими написанный текст, в отличие от первого, часто бывает фрагментарным и недолговечным (например, граффити или другие формы городского искусства)...

Другой момент, что проблема «авторства», как правило, не возникает в случае тоталитарных и авторитарных режимов, склонных к параноидальному контролю публичного и даже частного пространства, но довольно существенная при демократическом правлении, когда число «писателей» городского текста резко возрастает. Но и в этом случае существует более или менее открыто властями поддерживаемое мировоззрение и видение возможностей коллективного сосуществования. Самый сложный вариант в данном случае представляет неолиберализм — современная идеологическая доктрина развитых стран, достигнувших уровня ремаркетизированного капитализма. Прежде всего, его основные ценностные координаты, в отличие от других нами исследуемых идеологических систем, не так очевидны и ясны. И второе — в данном случае вопрос авторства сталкивается еще и с международными, глобальными агентами и силами, которые не всегда легко идентифицировать и адекватно оценить. Опираясь на теорию социолога М. Кастельса о современном обществе как о пространстве потоков (повторяющихся систематических обменов и взаимодействий капиталов, информации, технологий, изображений, символов и пр.), можно сказать, что современным менеджерским элитам свойственна космополитичность и оторванность от конкретного места (*детерриторизация*) [48; 40; 41]. Их пространственное превосходство над вынужденными остаться локальными народами проявляется двумя главными формами. С одной стороны, эта новая элита формирует свое замкнутое общество, «окопавшееся за мощным

барьером цен на недвижимость». Во-вторых, отличительная черта элит информационного общества — создание унифицированного мирового стиля жизни, полностью игнорирующего культурное разнообразие: от архитектуры и дизайна на международных отелях и офисах до системы связи, обслуживания поездок и гомогенного стиля жизни [48].

2. Создание текста и характер сообщений

Публичные общественные места — улицы, площади, скверы, парки, кладбища и под., как правило, являются многофункциональными, хотя для многих из них характерно определенное доминирующее назначение — репрезентативное, сакральное, коммерческое, рекреативное, мемориальное и под. Очевидно, что с течением времени понятие, назначение и использование публичных пространств меняется. Однако следует отметить, что этот процесс зависит не только от смещения идеологического, социального, политического контекста жизни города, но и от вытесняемых каждой генерацией горожан сценариев осмысления коллективной памяти.

Как уже упоминалось, властвующие слои обосновывают свое превосходство над другими членами общества тем, что при помощи интеллектуального и художественного истеблишмента создают и поддерживают простые и ясные идеологические сообщения (*messages*), символически закодированные в городском пространстве. Их целью может быть как чистое самоутверждение (культ личности авторитарного лидера), так и создание конкретного типа групповой идентичности (при национализме часто превращающиеся в культ самой нации, апофеоз ее культурных достижений и исторических побед). Например, в советское время всем крупным городам СССР была свойственна смысловая синхронизация [52], которая в обход локальным различиям везде внедряла единый идеологический нарратив коммунизма. При этом использовались такие сюжеты, как Ленин, Октябрьская революция, победа над фашизмом, руководящая роль коммунистической партии и пр. Поэтому в публичном пространстве, особенно репрезентативном, стремились создавать моноперспективные, одномерные, ценностно единые «узлы символов», которые передавали бы посетителю довольно ясное, несложное, однозначное сообщение, получаемое с помощью различных хорошо продуманных визуальных, эстетических, технических, дискурсивных и других средств. Для этого использовался весь комплекс объектов и топонимов — визуальный акцент (памятник), названия улиц, функция зданий властных структур, опоясывающих пло-

1. Один из возможных путей такого исследования — социологические опросы, либо, например, углубленные интервью с представителями *street art* и пр.

щадь и т. д. Но, как показывают исследования конкретных городов, создающиеся и распространяющиеся в урбанистическом ландшафте сообщения и в других случаях, как правило, бывают прямые, непротиворечивые, негибкие и легко и универсально читаемые. Классическим примером такого подхода можно считать вид столиц бывших империй и национальных государств [4; 38].

Однако со временем такие места и знаки могут перестать быть явными, конкретными и сильно действующими, поэтому их, возможно, придется удалить, маргинализировать, переделать, реинтерпретировать или дополнить новыми элементами [4]. Короче говоря, сами материальные хранители памяти и публичные дискурсы, характеризующие, поддерживающие и осмысливающие их, являются историческими, то есть с течением времени меняются. Однако в то же время в облике города мы можем наблюдать и нечто похожее на определенную *седиментацию памяти* (собранный осадок), своеобразный «культурный пласт» более раннего идеологического текста, элементы которого уже не поддаются легкой «расшифровке». Такие сообщения, в скором времени «расслоившиеся», могут быть уже нечитаемыми, несвязными, противоречивыми, непостоянными и иногда даже неприятными и создавать смысловой диссонанс с создаваемыми позднее (например, памятник Ленину на площади, окруженной церквями, и т. д.).

Учитывая это, можно утверждать, что идеологический облик городов в течение веков постоянно «перефильтровывался» и «пересоздавался», каждый раз решая проблему *сохранения/устранения* прежних слоев идеологического текста. Г. Дж. Эшворт замечает, что таким образом изначальные смыслы и сообщения того, что до нас дошло и существует сегодня, чаще всего были редуцированы. Он выделяет несколько возможностей такой визуально-смысловой редукции:

1) физическое уничтожение или устранение чуждых артефактов, пространств, зданий или элементов (*эрадикация*), которое подразделяется на сознательное, находящееся под влиянием модернизации, изменения политических режимов или культурной парадигмы, и несознательное, происходящее во время войн, природных и стихийных бедствий и пр.;

2) *музеефикация*, т. е. изменение их функции, а часто и формы с целью изменить их значение и передаваемые сообщения (по его словам, типичный пример музеефикации — изменение первичного назначения костелов, церквей и мечетей в СССР) [4, р. 267-268].

Как могли бы заметить, такая стратегия *коммуникативной гомогенизации* характерна для всех режимов, стремящихся создать единый и подробный «большой идеологический нарратив». Как известно, во второй половине XIX — начале XX в., во время национального возрождения, в образе многих европейских городов утвердился сильно романтизированный великий националистический нарратив. Для этого рассказа была характерна формируемая на этнолингвистической основе моноперспективность, склонная искать в истории периоды величественной военной славы либо имперской мощи титульной нации (тем самым часто игнорируя вклад других местных этнических групп), связанные с «национальными» персонажами.

Однако сегодняшние тенденции глобализации показывают, что эти *моноперспективные* (с позиций доминирующей нации или имперской власти) интерпретации урбанистического пространства и стратегии увековечивания коллективной памяти уже неадекватны потребностям настоящего. Будучи *одномерными* и *несостоятельными* в смысловом плане, они неудобны для постмодернистских, мультиэтнических, мультикультурных городов современности, в которых господствуют стремления и ценности разнообразия и индивидуализма [9]. Таким образом, при формировании коллективной идентичности и образа страны за рубежом возникает потребность в мультиперспективных, гетерогенных объектах и рассказах. С другой стороны, из-за вышеупомянутой склонности современной глобальной культуры к унификации и стандартизации, формы архитектуры постмодерна становятся «так нейтральны, так чисты, так прозрачны, что даже не претендуют на то, чтобы что-нибудь сказать», поэтому ее можно назвать «архитектурой наготы» [48].

Можно заметить, что основными средствами создания идеологического текста городского пространства в общем являются модернизация (миф о прогрессе, проявляющийся в виде всего «нового» и «продвинутого», что эквивалентно заграничным достижениям в архитектуре и дизайне и указывает на процветание и возможности конкретной страны), а также политика наследия (*унаследование*) и политика памяти (*увековечивание*). Несмотря на локальные или региональные различия, логика соотношения прошлого и настоящего неизбежно проявляется при принятии конкретных урбанистических решений и может приобрести форму псевдоархаизации, либо ускоренной модернизации, обновления или даже тотального

отказа от «старого», которое считается признаком отсталости и нелепости.

3. Прочтение текста и реакции читателя

Несмотря на то, для кого конкретно предназначались в городском ландшафте создаваемые идеологические сообщения, сегодня с ними напрямую сталкиваются все жители и посетители города, у которых могут быть разные уровни компетенции и навыков для их прочтения или нехватка таковых. Исторические города ныне, прежде всего, воспринимаются как совокупность разнородных ресурсов, которые при желании и умении могут быть превращены в современные коммерческие продукты и услуги. А употребление таких продуктов и услуг, в свою очередь, может быть описано и подсчитано при помощи простого рыночного анализа. Не случайно, что реакции читателя городского текста прежде всего исследовались в контексте индустрии туризма. Было замечено, что приезжие либо совершенно игнорируют официальные сообщения местности, либо их интерпретируют иначе, в связи со своим интеллектуально-познавательным горизонтом [27].

Тут мы сталкиваемся с своеобразным парадоксом. Хотя официальная политика памяти прежде всего ориентирована на местные нужды и создает сообщения городского ландшафта, адресованные, в основном, местному населению, с его прочтением и интерпретацией более часто сталкиваются именно приезжие туристы [35], которые не только не умеют адекватно прочесть такой нарратив, но и не желают его воспринять, либо создают совершенно иные (часто ошибочные или искаженные) представления о нем. Управленцами индустрии наследия давно было замечено, что «вы не можете продать туристам *свое* наследие, а лишь *их* наследие в *вашей* местности» [3, с. 282]. Поэтому вопросы — чей город?, чье наследие?, чьи символы и знаки?, чьи сообщения? — в конкретном случае получают разные и противоречивые ответы.

С другой стороны, бескомпромиссная борьба властей за внедрение официальной версии прошлого и единственно «правильной» и возможной трактовки городского текста (чем явно выделяются тоталитарные и авторитарные режимы), могут как раз привести к реальному или символическому сопротивлению или даже попыткам создания альтернативного нарратива. Например, после жестокого подавления восстания 1863 г. царскими властями, в 1898 г. в Вильнюсе был построен памятник Вильнюсскому генерал-губернатору М. Муравьеву, которого народ прозвал Вешателем. Людская ненависть палачу восстания была выражена тем, что фундамент

памятника ночью кто-то вымазал волчьим жиром и собравшиеся толпы собак выли на него...

Теперь более подробно остановимся на примерах разных идеологических подходов к городской среде, ставя вопрос, чего же добивались/добиваются разные политические режимы?

4. Идеологический отпечаток города

4.1. Национализм

Эту часть исследования стоит начать с национализма как идеологемы, несомненно оказавшей наибольшее влияние на появление и поддержание национального государства и национальной идентичности.

Как известно, утвердившаяся в XIX — первой половине XX в. в Европе идеология национализма стремилась отделить и пространственно, контекстуально, и дискурсивно отграничить наследие различных социокультурных групп, подчеркивая вклад доминирующей нации в культуру конкретной страны. Поэтому, при возникновении споров по поводу этнической «принадлежности» конкретного наследия, эта гомогенизирующая стратегия, кроме всего прочего, влияла и на межгрупповые конфликты и вражду. Наряду со многими известными случаями такого поведения в Европе (самый известный из них был Холокост во время Второй мировой войны) следует упомянуть и недавние жестокие межэтнические конфликты народов бывшей Югославии в 1991-1995 и 1997-1999 гг. в Косово, во время которых, оспаривая претензии чужой этнической группы на определенную территорию, уничтожали и ее архитектурные и исторические памятники — символы этнической и религиозной идентичности (город Дубровник, мост Моштар и пр.).

Но преобладание национального нарратива и легитимация титульной нации при помощи визуальной политики города тем самым имели последствия на двух других уровнях — субнациональном (локальном или региональном, часто ущемляя местные особенности) и супранациональном, международном. Замечено, что после начала евроинтеграции и при ускорении процессов глобализации, за последние несколько десятилетий сильно изменился социокультурный облик европейских городов. Исследования показывают тенденцию все большего преодоления ими национальных границ — мегаполисы становятся сетью соперничающих между собой урбанистических структур. Считается, что чем слабее роль национальных государств, тем очевиднее основной силой нового мирового порядка становятся крупные урбанистические центры или агломерации [15]. Несмотря на это, сегодняшние или «новые» национализмы тоже опираются на опре-

деленные особенности национального характера, национальные ценности и мифологии. Таких примеров масса. Вспомним «Уильямсбургский треугольник» США и Бостон, олицетворяющие борьбу за независимость, как и города российского «Золотого кольца» — коллекцию шедевров православной и славянской цивилизации или богатые города Бельгии и Голландии — свидетели производственного переворота, и пр.

Однако, возбуждая гордость «славным прошлым» народа и его творческим гением, материальные реликты и структуры могут вызывать и менее приятные ассоциации. Например, местности и объекты — останки колониальной или коммунистической эпохи — сегодня все еще вызывают недовольство жителей освобожденных стран, явно напоминая о пребывании в них колонизаторов или оккупантов. Страны Центральной и Восточной Европы в этом отношении имеют сложную историю. Особенно в новейшие времена их города стали объектом спора многих народов и государств, а этническую принадлежность собранных здесь ценностей наследия до сих пор пытаются оспаривать. Может быть, поэтому после распада Советского Союза в стратегиях создания их визуального образа до сих пор явно прослеживаются попытки проявления или подчеркивания именно знаков национальной идентичности.

Но, как показывает исторический опыт, несмотря на сильный национальный элемент, никакой город все-таки не может быть до конца «присвоен» одной нацией, особенно крупные города, имевшие значение для развития всего региона и постоянно наполненные полиэтничными жителями. Поэтому существуют города-символы международного сотрудничества, такие, как три столицы ЕС — Брюссель, Люксембург и Страсбург. Еще одна категория «универсальных», «принадлежащих всем» городов — города всемирного наследия ЮНЕСКО. Так что городу всегда приходится балансировать на грани *национализм vs космополитизм*, особенно при увеличении потока туристов в них [5, с. 29-30].

Вильнюс как арена пространственных и идеологических дискуссий

В нынешней интерпретации многих крупных исторических городов можно выделить хотя бы несколько топографических масштабов, что часто усложняет работу по их восприятию и прочтыванию, создавая проблему многослойности, своеобразный «эффект матрешки». Возьмем за пример Литовскую столицу. Прежде всего, необходимо упомянуть *локальный* уровень города (город *per se*), который часто закрывается другими уровнями. Вторая и до сих пор едва ли не самая

яркая видимая его плоскость — *национальная*. Несмотря на то, что Вильнюс в этом отношении и сегодня чаще всего осознается как столица литовского национального государства, как известно, его считали и по сей день «своим» считают и многие другие местные народы — поляки, евреи, литваки, белорусы, русские, украинцы, татары и т. д., что в отдельные исторические периоды особенно затрудняло возможность его однозначного «прочтения» и «присвоения» [14]. Об этом свидетельствуют и до сих пор употребляемые этими национальными группами различные названия города — Vilnius, Vilnė, Wilno, Vilnia... [21]

Эта проблема связана и с *региональным* восприятием города, которое в этом случае едва ли не самое сложное. На Вильнюс можно смотреть с точки зрения *этнографической*, как на центр конкретного региона внутри страны (Дзукии или Вильнюсского края²), так и с точки зрения *исторической*, как на политический центр древнего государства Великого Княжества Литовского, намного перешагнувшего территориальные границы современной Литовской Республики, делая акцент на многокультурное измерение собранного в нем наследия.

А после получения независимости и особенно вступления в ЕС можно говорить о Вильнюсе и в *континентальной* перспективе — как о своеобразном, но и о типичном городе Центрально-Восточной Европы. Наконец, после 1994 г., когда исторический центр Вильнюса был включен в *Список всемирного наследия*, проявляется его ценность как города не только регионального, но и *мирового* значения. Все эти уровни часто бывают переплетены, так что некоторые из них могут диссонировать между собой, затрудняя однозначное и дискурсивно единое восприятие наследия города и вызывая конкуренцию за владение публичным пространством. Например, концентрация символов национального литовского исторического нарратива особенно очевидна в самом сердце столицы — на территории Верхнего и Нижнего замков. Для этого используется не только археологическое, архитектурное наследие, охраняемое *in situ* или в Национальном музее истории, но и заново созданные элементы — памятники «основателю города» князю Гядиминасу и создателю Литовского государства королю Миндаугасу, построенный в 2003 г., по случаю вступления Литвы в ЕС, мост имени короля Миндаугаса³ и восста-

2. Этот вопрос до конца не ясен.

3. Поскольку при коронации великий князь Миндаугас принял католическое крещение, его фигура была актуализирована в контексте евроинтеграции, т. е. как первого за-

навливаемый замок Правителей Нижнего замка, «воссоздание образа» которого вызвало особенно много споров и дискуссий в литовском обществе и в среде специалистов.

Тем самым в облике города прослеживаются черты заочной конкуренции вышеупомянутой стратегии *литуанизации*, что особенно видно в центральной части столицы, на оси проспекта Гедимина, где четыре основных площади рассказывают историю литовского народа от его истоков в языческие времена до возврата независимости в 1990 г. и *мультикультурализма* — мест наследия многих народов, по всему городу разбросанных взаимонесвязанных памятников и мемориальных досок представителям разных этнических групп и т. д. Все это делает город разнообразным и богатым текстом, но его прочтение требует открытости и внимательности читателя.

4.2. Тоталитаризм

Американский исследователь А. Тунг, представивший широкую панораму охраны исторических городов всего мира [34], заметил, что всем тоталитарным режимам XX столетия, включая маоистский Китай, было свойственно стремление к радикальной трансформации своих столиц. Интересно, что гигантские архитектурные проекты задумывали и внедряли, и тем самым «в любви к классике» признавались чуть не все европейские диктаторы первой половины XX в., включая А. Гитлера, Б. Муссолини и И. Сталина, позднее — Н. Чаушеску и пр.

Тоталитарная идеология по-своему связала научный рационализм, в то время популярные идеи прогрессивистского урбанизма [16] и утопическое видение будущего мира. Она особенно заострила роль архитектуры как надежного средства социальной инженерии — запланированные изменения пространства имели и цель переработки восприятия, привычек, поведения и мышления граждан. Такая задача ставилась отнюдь не только в архитектуре. В тоталитарном обществе все виды и формы искусства были подчиненными единственной цели — «устранению индивидуализма» [25, р. 236]. Таким образом, тоталитарная урбанистика и архитектура не только предназначалась для облегчения утопической программы создания «нового человека», но и должна была визуально выразить новый социальный порядок. По мнению идеологов, ничто не могло так успешно консолидировать массы и направить их в нужном направлении, как новое строительство и война. Властелин/архитектор/зодчий использовал свой народ как сырье для создания нового

типа общности, тем самым превращая страну в гигантскую площадку для реализации своих мегаломанических фантазий [37].

Поскольку каждая политическая система создает особенный тип социальных отношений, то и тоталитарным режимам первой половины XX в. свойственны попытки создать совершенно унифицированную общность. Демократическому правлению противопоставляется «демократия масс», в которой создается новая модель взаимоотношений власти и подчиненных, посредником которых становится архитектура. Мобилизация масс и их подчинение государственному аппарату возможны при создании одной утопической цели и утверждении нового политического стиля. Этому стилю присущи не прагматизм и рациональность, а мифы и ритуалы, символы и секулярная литургия, при помощи которых народ осваивает свою новую идентичность. Поэтому публичное политическое действие сильно театрализуется и драматизируется, а архитектура становится гигантскими декорациями сцены, на которой происходит мистическое слияние масс со своим обожаемым лидером. Этим, наверное, можно объяснить и ее часто открыто *фасадный* облик, потому что декорации воспроизводят эффект, когда на них смотришь *снаружи*, а не с внутренней стороны... По мнению исследовавшего связь нацистской архитектуры и политики М. Абенсура, вследствие этого происходит искоренение политической нации и вообще уничтожение самой политики [1, р. 35].

В присутствии единственного настоящего актера на сцене — харизматического вождя — при помощи парадов, празднеств, шествий, грандиозных массовых событий и пр. достигается коллективная эйфория масс. Сам народ превращается в живой фундамент иерархии власти. Архитектурный монументализм и гигантизм дополняется из живых людей созданными колоннами (в параде), стенами и картинами (в стадионе), пирамидами (в то время очень популярная гимнастическая фигура) [42]. На фоне мистерии переплыва индивидуальности в массу стираются не только утилитарные принципы проектирования урбанистических пространств, но и социальные нужды их жителей [1, р. 45].

Обобщая можно заметить, что целью тоталитарной архитектуры и урбанистики стало утверждение факта деполитизации общества и тем самым попытка скрыть его, опираясь на чрезмерные эстетические эффекты публичного пространства. Советизация урбанистического ландшафта СССР проводилась не только при помощи вышеупомянутой синхронизации идеоло-

падноориентированного правителя литовского государства.

гического нарратива, но и при выявлении местных особенностей в виде «национальной формы», которая чаще всего отражалась в декоре зданий. Удалось ли режиму не только создать модель тоталитарного города, но и где-нибудь конкретно его реализовать?

Минск как идеальный город тоталитаризма

В поиске примеров сталинской архитектуры в голову сразу же приходит семь высоток и нереализованный проект Дворца Советов в Москве [43], Киевский Крещатик, варшавский Дворец культуры и науки и т. д. Но это все скорее отдельные символы и знаки тоталитарности, нежели полный и законченный городской текст. По мнению многих исследователей, к идеалу такого советского города приближается лишь Минск, столица Белорусской ССР. В чем кроится исключительность Минска? Прежде всего, в парадоксе, что, не будучи крупным мегаполисом, он имеет облик действительно имперского города, который приобрел именно в эпоху сталинизма. В Европе сохранилось не так много городов имперского масштаба и образа — Рим, Париж, Берлин, Санкт-Петербург, Вена и... Минск, который никогда не был столицей какой-либо империи, даже самой незначительной. Тем более удивительна произошедшая в сталинские времена трансформация провинциального города в двухмиллионный мегаполис.

Белорусский архитектор Артур Клинов, издавший альбом с названием «Город солнца», позаимствованным у Томазо Кампанеллы [49], и «Малый путеводитель по Городу солнца» [50], связывает советскую реконструкцию города с идеями утопистов. Играя словами *солнце* (белор. *сонце*) и *сон*, что в английской версии альбома было переведено как *The Sun City of Dreams* (англ. *dream* означает и *сон*, и *мечту*), автор утверждает, что Минск был сознательно спроектирован как идеальный утопический советский город. После реконструкции, потребовавшей почти полного сноса исторической застройки, город превратился в трехмерную декорацию советской пропаганды. Но в действительности мечта так и осталась миражом. Иллюзорность величия города нетрудно обнаружить, зайдя во внутренние дворы прекрасных дворцов, предназначенных для простого народа. Контраст пышных парадных фасадов и убогости неоштукатуренных стен внутренних дворов сразу бросается в глаза. Британский исследователь визуальной культуры Бенджамин Коуп преобладание такой пустотелой иллюзорной архитектуры в Минске полушутя назвал призрачным классицизмом [51].

Можно предположить, что советской облик Белорусской столицы тоже имел значение для так и не состоявшейся десоветизации общества [44] после распада СССР, и это повлияло на специфику белорусского политического проекта на фоне соседних демократических стран. Тоталитарным режимом созданные урбанистические пространства выдержали испытание временем в эпоху перелома и стали декорациями для сцены уже новой, на этот раз авторитарной политической драмы [38].

4.3. Авторитаризм

Но для исследования вопроса соотношения авторитарного режима и города мы выберем не Беларусь, а другой ареал постсоветского пространства — бывшие советские республики Средней Азии, получившие независимость при распаде СССР. Такой выбор не случаен. Ведь две из пяти среднеазиатских стран, богатые природными ресурсами нефти и газа, уже несколько лет проводят гигантскую трансформацию своих столиц. Как известно, столица Казахстана в 1997 г. была перенесена из Алма-Аты в Астану⁴ (на казахском *астана* и означает *столицу*) [3]. В свою очередь, начатая еще инициативой Президента Сапармурата Ниязова (правившего страной с 1985 по 2006 г.), тотальная реконструкция столицы Туркменистана по плану должна быть закончена к 2030 г. Успешная реализация таких гигантских проектов не была бы возможна не только без соответствующих финансовых ресурсов, но и, особенно, без сильной политической воли. Лишь специфика авторитарного режима, в котором неограниченная власть и средства сконцентрированы в руках одного лица — Президента, либо небольшой группы политической элиты (хунты), позволила превратить эти города в громадную стройплощадку.

В чем отличия тоталитаризма от авторитаризма, которых часто путают? Действительно, между ними есть много схожего — в обоих режимах не существуют свободные выборы, ограничены политические права граждан и запрещены независимые политические организации, проявляется цензура по отношению к СМИ, часто проявляется культ личности вождя и пр. Но основные их различия политологи видят в целях и средствах того, как политическая система

4. Может быть, что решение было принято опираясь на турецкий прецедент, когда Мустафа Кемаль Ататюрк (Отец Турок) в 1923 г. *перенес столицу* из громадного *Стамбула* в провинциальную Анкару. Надо заметить, что вообще модель модернизации постсоветских среднеазиатских стран довольно похожа на кемалистскую.

управляется с социумом. Тоталитаризму присуща наибольшая степень мобилизации масс для достижения заданной цели, авторитаризму, наоборот, — подавление и торможение социальной активности. Этим определяется и их ориентация во времени — тоталитаризму свойствен *футуризм* (стремление к «светлому будущему», «строительству коммунизма»), при авторитаризме же все основные социально-экономические достижения приписываются лишь вождю и его мудрости, поэтому речь идет о *презентизме* (все «самое лучшее» уже существует). Такой императив можно видеть и в архитектуре. Как мы уже знаем, сталинскому ампиру был присущ фасадизм, олицетворяющий то, чего еще нет, но чего очень хочется, в авторитарной архитектуре проявляется *египетское бессмертие*, попытка уловить и остановить момент уже наступившего «золотого века».

Постсоветские среднеазиатские страны, которым и исторически была свойственна авторитарная форма правления, впервые приобрели государственную независимость, поэтому логично, что их лидерам пришлось не только заняться укреплением своей персональной власти, заново создавать аппарат государственного управления, но и формулировать коллективную идентичность своих граждан при помощи новой национальной идеологии. Исследование данного региона актуально для понимания того, каким парадоксальным образом процесс создания коллективной идентичности (по сути конструктивизм) обосновывается концептами примордиализма (эссенциализма). Поэтому не случайно, что новым национальным идеологиям присуще и напряжение между модернизацией и стремлением псевдоархаизации («изобретение древности»).

Вышеупомянутые стремления авторитарных властей и с этим связанные проблемы наиболее ярко выражены в случае Туркменистана [24], которым долгое время правил Президент, поднявший свой культ личности на дотоледнедосягаемые вершины, сравнимые лишь с фантазией правителей Северной Кореи. Тем более интересно, что государственная идеология нашла наиболее полное отражение в ландшафте столицы страны.

Ашхабад как личная история

В городском пространстве перестраиваемой туркменской столицы ясно выделяются основные постулаты официальной ниязовской идеологии — башизма, поэтому такой текст легко читаем, прост и не имеет смысловых противоречий. Основными столпами идеологии, созданной Президентом, носившим официальный титул *Отца*

Нации (Туркменбаши) [46], являются *Независимость*, *Нейтралитет* и *Рухнама* (в переводе — «Книга духа», т. е. им написанный двухтомник, в котором кроилась вся новая идеология страны — истолкование основ туркменской идентичности и истории, постулаты новой национальной религии, обоснование культа личности Президента и пр., до его смерти занявшая место не только Корана [29], но и национального эпоса, которую вынуждены были изучать в школах и университетах, по ней сдавать экзамен на поступление на работу и т. д.). На основе этих «столпов» объявлялось наступление *Золотого века* (туркмен. *altyn asyr*), в котором переплелись достижения прошлого, настоящего и будущего туркменского народа. Соответствующим образом интерпретированная история «помогала» найти древнейшие следы народа, его героические «золотые века» и «истоки» его государственных традиций. А интерпретация истории логически перерастала в интерпретацию современности, тем самым легитимируя авторитарную власть. Важно, что в идеологическом прочтении текста столицы переплетается пласт тысячелетней истории страны, обосновавший ее государственность (культ предков — великих деятелей политики и культуры), и персонализированная и мифологизированная история самого Ниязова (культ его семьи) [47]. Города современного Туркменистана и, прежде всего, Ашхабад, были украшены десятками позолоченных памятников и бюстов Туркменбаши Великого. Квинтэссенцией культа можно считать огромную двенадцатиметровую статую Ниязова на вершине центрального сооружения столицы — Арки Нейтралитета (в 2010 г. снесенную по причине переноса на другое место). Рядом с ней стоит мемориал жертвам землетрясения 1948 г., во время которого погибли мать и оба брата Президента (по легенде, мать в последний момент смогла вытолкнуть восьмилетнего мальчишку из разрушающегося дома). Еще одна величественная статуя вождя стоит у подножья другого высотного строения — памятника Независимости. Памятник Рухнаме обладает даже интерактивными свойствами — монументальные страницы его открываются, и текст может быть прочитан не только днем, но и освещается ночью.

Мать Туркменбаши Горбансолтан Эдже стала идеалом туркменской женщины, ей были посвящены не только памятники, но и ее именем назван Музей туркменского ковра и пр. Рядом с мемориалом отцу Президента, погибшему во время Второй мировой войны, стоят статуи и его десятилетнего и шестилетнего братишек. Вся семья (в том числе и сам Президент) захоронена в

родовой деревне Кипчак неподалеку от Ашхабада в специально построенном мавзолее рядом с самой большой мечетью Центральной Азии, конечно же, названной в честь Президента, на минаретах которой красуются цитаты из Рухнамы (что оттолкнуло правоверных мусульман — потенциальных паломников из других стран исламского мира).

Можно заметить, что при правлении С. Ниязова, созданный культ его личности и семьи взял в плен целое публичное пространство города и всей страны и превратил его в текст, рассказывающий личную историю. В им лично созданном городском нарративе преобладали такие «твердые» репрезентации памяти, как памятники, мемориалы и пр., похожие на советский тип мемориализации, и этот облик города остается по сей день почти неизменным.

Возникает вопрос, можно ли считать «оттепелью» некоторые перемены государственной политики после смерти первого туркменского Президента, или речь идет лишь о незначительной трансформации им созданного политического стиля? Аналитики склонны осторожно оценивать русло и направление новым Президентом Г. Бердымухамедовым начатых реформ, но обращают внимание на действительно существующие некоторые знаки либерализации и попытку отказаться от самых странных проявлений культа личности [45]. В городском пространстве это отражается меньше, чем в публичной сфере вообще, но можно предположить, что нынешние визуальные репрезентации склонны к более «мягким» формам и средствам самоутверждения авторитарного лидера (хотя портреты С. Ниязова были заменены на фотографии нынешнего Президента, но ему начали ставить памятники лишь начиная с 2015 г., а история его семьи и лично самого Президента предоставлена в Президентском музее).

Автору данной статьи, посетившей Ашхабад с 2010 по 2014 г., бросился в глаза странный контраст между захватывающей дух величиной города и пустотой улиц, на которых редко увидишь прохожего. Означает ли это, что город как памятник величию Народа и его Президента преобладает над городом, в котором уютно и удобно жить?

4.4. Неолиберализм

Нам остается обсудить еще один тип города как идеологического текста, который сегодня завоевывает все большее публичное пространство многих урбанистических структур развитых стран, либо появляется как инклюзы в городах менее развитых.

Мы живем в период рыночного управления городами (с середины 90-х до настоящего времени). Потребности экономического развития сейчас стали господствовать над удовлетворением социально-политических потребностей. Переориентация способов производства при переходе к постиндустриальной (информационной) стадии развития общества заметно влияет на выбор стратегий развития городов. Акцентируется сектор различных услуг, формируется новый облик города, опирающийся на культурную индустрию (особенно туризм и наследие), на этом основании поощряются внутренние и иностранные инвестиции [13].

Во второй половине XX в., когда все больше распространилась философия потребления, урбанистический облик города начал сильно меняться. Укоренилась практика перенесения производства из городов в дальние регионы или даже другие страны. Таким образом, создались условия для реструктуризации заново открывшихся пространств и превращения их в более привлекательные для горожан и туристов. Создание пригодной к употреблению инфраструктуры начало постепенно менять производственную инфраструктуру города — вместо заводов, доков, железных дорог возникают крупные торговые центры, сети кинотеатров, ресторанов и т. д.

Сегодня мультикультурный капитализм производит разнообразие культурной продукции и придает локальным продуктам и услугам черты экзотичности, исключительности, запоминаемости. Но тем самым следует упомянуть, что прежнее разнообразие городов нивелируется инвестициями международных коммерческих организаций, превращающих их в однородные и обезличенные [32, p. 169]. Также аналитики с беспокойством отмечают, что потребности становящегося все более массовым туризма тоже неизбежно меняют как физический облик городов, так и их культуру, и образ жизни [11, p. 64].

Социологи обращают внимание на то, что, при всемирном внедрении модели так называемой «макдиснеизации», современные города становятся все больше похожи не только друг на друга, но и на тематические парки. Джордж Ритцер, создавший теорию социальной *макдональдизации* [31], на которую повлияла концепция социолога М. Вебера о модернистском обществе как рациональном, эффективном, расчетливом, предусмотрительном, доминирующем и контролируемом технологиями, считает тематические парки парадигматическим выражением этих процессов. В парках У. Диснея, как и в ресторанах Макдональдса, в торговых и развлекательных центрах,

круизных лайнерах и казино потоки посетителей и их обслуживание стандартизированы и управляются самым рациональным способом, тем самым стремясь к тому, чтобы они истратили побольше денег. Неслучайно парки У. Диснея и рестораны Макдональдса появились почти в одно и то же время и организовали свою деятельность, опираясь на похожие принципы. Оба эти торговых знака сегодня распространены и известны в мировом масштабе. Оба они *par excellence* выражают парадигму потребительской рациональности, а парки У. Диснея стали моделью управления постмодернистским туризмом [30, р. 97]. Применяв эту модель к своему развитию, такие города, как Лас-Вегас, становятся тематическими парками гигантского размера, в которых неслучайно можно увидеть уменьшенные копии выдающихся памятников европейской архитектуры. Поскольку обе эти мировые коммерческие сети повлияли на формирование современного консюмеризма, мод, вкусов и мировоззрения, объединив оба, мы получаем неологизм «макдиснеизация» [30, р. 98]. Встает вопрос, как и какой степени разницу между фикцией и реальностью может увидеть турист, когда с помощью новейших технологий остроумно переплетается история и вымысел? Эту современную проблему, когда границы между реальностью и фантазией становятся все менее различимы, в своих работах исследовал французский философ Ж. Бодрийяр [9], а социолог Дж. Урри даже утверждал, что «тематический туризм дает возможность на какое-то время оказаться по ту сторону времени и пространства» [35, р. 34].

Включение черт тематических парков в большие торговые центры или круизные корабли стало важным элементом в процессе создания коммерческих пространств, приспособленных к постмодернистскому потреблению. Некоторые авторы даже называют такие образования «квинтэссенциями пространствами постмодернизма», где подчеркивается смешение множества различных архитектурных стилей, сращение реальности и фантазии и радость потребления [28]. Эти новые торговые пространства — «города в городе» — привлекательны для посетителей, поскольку представленные здесь темы без труда локализуемы и понимаемы. Само собой разумеется, что это меняет и идентичность настоящих городов и их жителей. Поэтому встает вопрос, могут ли с имитационными образами историчности урбанистических структур конкурировать настоящие их прототипы?

Поскольку глобализация означает быстрое изменение, это ведет к ускоряющейся трансфор-

мации общества, и, как следствие, к его дестабилизации. Поэтому надлежащее использование исторического окружения может дать и чувство стабильности и преемственности. Кроме того, особенно важным становится осознание значения конкретного физического места в контексте детерриторизации, поскольку виртуальные общества никогда не смогут полностью заменить реальные.

Разные города имеют различные культурные ресурсы, которые они могут своеобразно использовать, не имитируя других, и так стать конкурентоспособными, а это беспроигрышная игра. С другой стороны, последствие глобализации в том, что города не защищены от колебаний мировых циклов экономики. Однако даже во время упадка урбанистическая охрана наследия может стать стабилизирующим фактором при смягчении негативных последствий (антицикличность).

Выводы

Город, особенно столица, часто используется не только как «визитная карточка» страны, выразительная трехмерная иллюстрация уровня ее культурного развития и экономических возможностей, но и как визуальный учебник истории. Как показало исследование, главной целью идеологических манипуляций публичным пространством или конкретными объектами в основном была и является не только легитимация власти, но и попытка «втиснуть» формируемую модель коллективной идентичности в сохраняемые или создаваемые урбанистические структуры.

Если в каждом случае автор города как идеологического текста пытается создать гомогенный и стилистически единый нарратив, то, как выяснилось, в действительности ему это вряд ли удастся по целому ряду причин. Основными барьерами реализации этого желания становятся не только исторически сложившаяся структура города, которую редко удастся полностью снести или трансформировать, тем самым оставляя угрозу смыслового диссонанса, но и реакция читателя, которую никогда не удастся полностью предугадать и контролировать.

По поводу «жанра» конкретного идеологического текста, можно отметить, что тоталитарному стилю присущ *оптимистический пафос*; в авторитарном (в случае Ашхабада) преобладает *биография* главы государства; национальный город рассказывает лишь «своим», «посвященным», «воображаемому сообществу нации» предзнаменований и доступный *энос*; а неолиберальный мегаполис скорее напоминает игру цитатами и искусное комбинирование жанров писателя-постмодерниста, либо *рекламное сообщение...*

Какую позицию по отношению к настоящей истории города и его урбанистического и архитектурного наследия занимали выше проанализированные режимы и идеологии? Можно заметить, что самым благосклонным к останкам материальных реликтов прошлого является национализм демократических государств, вынужденный искать и находить исторические корни нации и подчеркивать ее достижения для материального подтверждения своих постулатов. Создателей тоталитарного и авторитарного строя настоящая история и ее реликты, как показывают вышеперечисленные примеры, мало волнуют. Внедрение нового идеологического текста на базисе старого города происходит либо при помощи имитации исторических стилей (любовь нацистов и большевиков к неоклассике), либо изобретения традиций (псевдоархаизация нематериальной культуры в виде обязательного ношения национального костюма туркменскими женщинами). Неолиберальная идеология ориентирована прежде всего на создание и поддержание постоянного потока потребления, и в данном случае урбанистическая структура превращается в гигантский рынок, в котором, рядом с другими продуктами и услугами, продаются разные образы и символы города, уже без вопроса об их соответствии аутентичности и исторической действительности (симулякры наследия).

Опираясь на выше предоставленные примеры разных идеологических текстов (за исключением конкретного «представителя» неолиберального города, что было сделано сознательно

из-за нынешнего всепробывания его эстетики и прагматики), можно выделить несколько замеченных парадоксов. Город как национальный текст, призванный объединять всех граждан, в реальности как раз способствует умалчиванию или затенению этнокультурного разнообразия... Тоталитарный город, будучи призванным подтвердить реальность и обоснованность идеологической доктрины, открывает иллюзорность стремлений власти воплотить утопический идеал в жизнь общества... Авторитарная архитектура как символическое воплощение личности вождя, рассчитанная на бессмертие и величие, после его смерти легко подвергается угрозе уничтожения или переделки... Неолиберальная форма современного капитализма требует от города быть одновременно и уникальным, и стандартным...

Приходится признать, что сегодня между чисто экономическими аргументами, когда урбанистические структуры используются в целях туризма, социальными аргументами, ориентированными на местное благополучие и политическими аргументами не остается явного водораздела. Обострившаяся потребность решения проблемы идентичности, ставшей ключевым словом на стыке XX–XXI вв., заставляет граждан отступать в индивидуалистическое (неолиберализм) или коллективное (неонационализм) состояние, а в контексте глобализации слабую национальную идентичность все более атакует интенсивность гетерогенности и мультикультурализма.

Библиография

1. Abensour M. De la compasité. Architectures et régimes totalitaires. — Paris: Sens and Tonka, 1997. — 64 p.
2. Abercrombie N., Hill S., Turner B.S. The Dominant Ideology Thesis. — London: Allen & Unwin, 1982. — 211 p.
3. Anacker Sh. Geographies of Power in Nazarbayev's Astana // Eurasian Geography and Economics, 2004, No. 7. — P. 515–533.
4. Ashworth G. J., The Conserved European City as Cultural Symbol: the Meaning of the Text. // Modern Europe. Place, Culture and Identity (ed. by B. Graham). — London: Arnold, 1998. — P. 261–286.
5. Ashworth G. J., Tunbridge J. E. The Tourist-Historic City. — Chichester: John Wiley and Sons, 1990. — 283 p.
6. Ashworth G. Voogd J. H. Selling the City: Marketing Approaches in Public Sector Urban Planning. — London: Belhaven, 1990. — 177 p.
7. Barnes T. J., Duncan J. S. Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representation of Landscape. — London: Routledge, 1992. — 296 p.
8. Barthes R. Semiology and Urban. // The City and the Sign: an Introduction to Urban Semiotics (ed. by M. Gottdiener and A. F. Lagopoulos). — New York, Columbia University Press, 1986. — P. 87–98.
9. Baudrillard J. Simulacres et simulation. — Paris: Galilée, 1981. — 240 p.
10. Bhadha H. K. The Location of Culture. — London: Routledge, 1994. — 440 p.
11. Boniface P., Fowler P. J. Heritage and Tourism in „the Global Village“. — London: Routledge, 2002. — 200 p.
12. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — 255 p.
13. Branchini F. Cultural Planning for Urban Sustainability // City and Culture: Cultural Processes and Urban Sustainability (ed. by L. Nystrom). — Kalmar, The Swedish Urban Environment Council, 1999. — P. 34 — 51.

14. Bumblauskas A. The Heritage of the Grand Duchy of Lithuania: Perspectives of Historical Consciousness. // The Peoples of the Grand Duchy of Lithuania (ed. by G. Potašenko). — Vilnius, Aidai, 2002. — P. 7-44.
15. Castells M. European Cities, the Informational Society and the Global Economy. URL: http://www.acturban.org/biennial/doc_planners/castells_european_informational_society_global_economy.htm
16. Choay F. Pensées sur la ville; arts de la ville. // La ville de l'age industriel. Le cycle haussmannien (sous la dir. de M. Agulhon), Paris, Editions du Seuil, 1998. — P. 251-265.
17. Choay F. Remarques a-propos de semiology urbaine. // Architecture d'aujourd'hui, 1970. No. 42. — P. 9-10.
18. Daniel S. Fields of Vision: Landscape Imagery and National Identity in England and the United States. — Princeton: Princeton University Press, 1993. — 257 p.
19. Eco U. Function and Sign: Semiotics of Architecture. // The City and the Sign: an Introduction to urban Semiotics (ed. by M. Gottdiener and A. F. Lagopoulos). — New York: Columbia University Press, 1986. — P. 99-112.
20. Gospodini A. European Cities and Place-Identity // Discussion Paper Series. 2002. Nr. 8. — P. 19-36.
21. Gousset C., Wilno, Vilné, Vilnius, capitale de Lituanie, A l'Est, la mémoire retrouvée (sous la dir. De A. Brossat, S. Combe, J.-Y. Potel, J.-Ch. Szurek). — Paris: La Découverte, 1990. — P. 489-520.
22. Gottdiener M. Postmodern Semiotics: Material Culture and the Forms of Post-modern Life. — London: Routledge, 1995. — 272 p.
23. Habermas J. The European Nation-State: its Achievements and its Limits. // Mapping the Nation (ed. by G. Balakrishnan, B. Anderson). — London: Verso, 1986. — P. 281-294.
24. Kuru A. T., Between the State and cultural Zones: Nation Building in Turkmenistan. // Central Asian Survey, 2002, No. 21. — P. 71-90.
25. Lehmann-Haupt H. Art Under a Dictatorship. New York, 1954. - P. 236.
26. Lowenthal D. Fabricating Heritage. History and Memory. Vol. 10, No. 1. URL: <http://www.iupress.indiana.edu/journals/history/ham10-1.html>
27. Merriman N. Beyond the Glass Case: the Past, the Public and the Heritage in Britain. — Leicester: Leicester University Press, 1991. — 200 p.
28. Misik R. Simulated Cities, Sedated Living. The Shopping Mall as Paradigmatic Site of Lifestyle Capitalism. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2006-12-15-misik-en.html>
29. Norman A. Of Golden Statues and Spiritual Guidebooks: A Report on Freedom of Religion and the Cult of the President in Turkmenistan. URL: <http://escholarship.usyd.edu.au/journals/index.php/SSR/article/viewFile/123/144>
30. Ritzer G., Liska A. McDisneyization and „Post-Tourism“. // Touring Cultures (ed. by C. Rojek and J. Urry). — London, Routledge, 2002. — P. 96-109.
31. Ritzer G., The McDonaldization of Society. — Thousand Oaks: Pine Forge Press, 2014. — 280 p.
32. Smith M. K. Issues in Cultural Tourism Studies. — London: Routledge, 2009. — 272 p.
33. The City and the Sign: an Introduction to Urban Semiotics (eds. M. Gottdiener and A.P. Lagopoulos). — New York: Columbia University Press, 1986. — 256 p.
34. Tung A. M. Preserving the World's Great Cities. The Destruction and Renewal of the Historic Metropolis. — New York: Three Rivers Press, 2001. — 469 p.
35. Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century. — London: Routledge, 2012. — 272 p.
36. Urry J. The Tourist Gaze. — London: Sage Publications, 2011. — 296 p.
37. Vale L. Mediated Monuments and National Identity. // (Re)constructing the Past. Proceeding of the Colloquium on History and Legitimation, organised by the Charles V 2000 Committee 24 - 27 February 1999, Brussels, Belgium (ed. by Jan Denolf & Barbara Simons). — Brussels, 2000. — P. 291-310.
38. Wiest M. Beschränkter Pluralismus. Postkommunistische autoritäre Systeme. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2006-09-08-wiest-de.html>
39. Wright P. On Living in an Old Country: the National Past in Contemporary Britain. — London: Verso, 2009. — 320 p.
40. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004. — 188 с.
41. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002. — 390 с.
42. Васильченко А. В. Имперская тектоника. Архитектура III Рейха. — М.: Вече, 2010. — 376 с.
43. Васыкин А. А., Назаренко Ю. И. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. — М.: Спутник, 2009. — 236 с.
44. Галиновская Ю. Семиосфера советского: к вопросу о семиотической экологии. О десоветизации. Беларусь, начало XXI века. Материалы семинара-конференции г. Шилуте (Литва) 20-24 августа 2007 г. — Минск: Центр социальных инноваций, 2008. — С. 52-60.
45. Горак С. "Великое возрождение": продолжение идеологической традиции Туркменистана. URL: <http://www.politex.info/content/view/600/30/>
46. Горак С. Мифы Великого Туркменбаши. URL: <http://slavomirhorak.euweb.cz/turkmenistan-actaeurasica2005.pdf>
47. Горак С. Портрет Туркменбаши как мифологическая основа его режима. // Вестник Евразии. 2007, No. 2. — С. 139-165.

48. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — Москва: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
49. Клінаў А. Горад СОНца. Визуальная паэма пра Мінск. Фотоальбом. — Менск: Логвінаў, 2009. — 128 с.
50. Клінаў А. Малая падарожная кніжка па Горадзе СОНца. — Менск: Логвінаў, 2008. — 202 с.
51. Коуп Б. Призраки Маркса бродят по Минску по следу Деррида. // Белорусский формат: невидимая ре-

- альность. — Вильнюс: ЕГУ, 2008. - С. 498-521.
52. Милерюс Н., Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах. // P.S. ландшафты: оптики городских исследований. — Вильнюс: ЕГУ, 2008. — С. 37-62.
53. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. — 432 с.

References

1. Abensour M. De la compasité. Architectures et régimes totalitaires. — Paris: Sens and Tonka, 1997. — 64 p.
2. Abercrombie N., Hill S., Turner B.S. The Dominant Ideology Thesis. — London: Allen & Unwin, 1982. — 211 p.
3. Anacker Sh. Geographies of Power in Nazarbayev's Astana // Eurasian Geography and Economics, 2004, No. 7. — P. 515–533.
4. Ashworth G. J., The Conserved European City as Cultural Symbol: the Meaning of the Text. // Modern Europe. Place, Culture and Identity (ed. by B. Graham). — London: Arnold, 1998. — P. 261-286.
5. Ashworth G. J., Tunbridge J. E. The Tourist-Historic City. — Chichester: John Wiley and Sons, 1990. — 283 p.
6. Ashworth G. Voogd J. H. Selling the City: Marketing Approaches in Public Sector Urban Planning. — London: Belhaven, 1990. — 177 p.
7. Barnes T. J., Duncan J. S. Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representation of Landscape. — London: Routledge, 1992. — 296 p.
8. Barthes R. Semiology and Urban. // The City and the Sign: an Introduction to Urban Semiotics (ed. by M. Gottdiener and A. F. Lagopoulos). — New York, Columbia University Press, 1986. — P. 87-98.
9. Baudrillard J. Simulacres et simulation. — Paris: Galilée, 1981. — 240 p.
10. Bhadha H. K. The Location of Culture. — London: Routledge, 1994. — 440 p.
11. Boniface P., Fowler P. J. Heritage and Tourism in „the Global Village“. — London: Routledge, 2002. — 200 p.
12. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — 255 p.
13. Branchini F. Cultural Planning for Urban Sustainability // City and Culture: Cultural Processes and Urban Sustainability (ed. by L. Nystrom). — Kalmar, The Swedish Urban Environment Council, 1999. — P. 34 — 51.
14. Bumblauskas A. The Heritage of the Grand Duchy of Lithuania: Perspectives of Historical Consciousness. // The Peoples of the Grand Duchy of Lithuania (ed. by G. Potašenko). — Vilnius, Aidai, 2002. — P. 7-44.
15. Castells M. European Cities, the Informational Society and the Global Economy. URL: http://www.acturban.org/biennial/doc_planners/castells_european_informational_society_global_economy.htm
16. Choay F. Pensées sur la ville; arts de la ville. // La ville de l'age industriel. Le cycle haussmannien (sous la dir. de M. Agulhon), Paris, Editions du Seuil, 1998. — P. 251-265.
17. Choay F. Remarques a-propos de semiology urbaine. // Architecture d'aujourd'hui, 1970. No. 42. — P. 9-10.
18. Daniel S. Fields of Vision: Landscape Imagery and National Identity in England and the United States. — Princeton: Princeton University Press, 1993. — 257 p.
19. Eco U. Function and Sign: Semiotics of Architecture. // The City and the Sign: an Introduction to urban Semiotics (ed. by M. Gottdiener and A. F. Lagopoulos). — New York: Columbia University Press, 1986. — P. 99-112.
20. Gospodini A. European Cities and Place-Identity // Discussion Paper Series. 2002. Nr. 8. — P. 19-36.
21. Gousset C., Wilno, Vilné, Vilnius, capitale de Lituanie, A l'Est, la mémoire retrouvée (sous la dir. De A. Brossat, S. Combe, J.-Y. Potel, J.-Ch. Szurek). — Paris: La Découverte, 1990. — P. 489-520.
22. Gottdiener M. Postmodern Semiotics: Material Culture and the Forms of Post-modern Life. — London: Routledge, 1995. — 272 p.
23. Habermas J. The European Nation-State: its Achievements and its Limits. // Mapping the Nation (ed. by G. Balakrishnan, B. Anderson). — London: Verso, 1986. — P. 281-294.
24. Kuru A. T., Between the State and cultural Zones: Nation Building in Turkmenistan. // Central Asian Survey, 2002, No. 21. — P. 71-90.
25. Lehmann-Haupt H. Art Under a Dictatorship. New York, 1954. - P. 236.
26. Lowenthal D. Fabricating Heritage. History and Memory. Vol. 10, No. 1. URL: <http://www.iupress.indiana.edu/journals/history/ham10-1.html>
27. Merriman N. Beyond the Glass Case: the Past, the Public and the Heritage in Britain. — Leicester: Leicester University Press, 1991. — 200 p.
28. Misik R. Simulated Cities, Sedated Living. The Shopping Mall as Paradigmatic Site of Lifestyle Capitalism. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2006-12-15-misik-en.html>

29. Norman A. Of Golden Statues and Spiritual Guidebooks: A Report on Freedom of Religion and the Cult of the President in Turkmenistan. URL: <http://escholarship.usyd.edu.au/journals/index.php/SSR/article/view-File/123/144>
30. Ritzer G., Liska A. McDisneyization and „Post-Tourism“. // *Touring Cultures* (ed. by C. Rojek and J. Urry). — London, Routledge, 2002. — P. 96-109.
31. Ritzer G., *The McDonaldization of Society*. — Thousand Oaks: Pine Forge Press, 2014. — 280 p.
32. Smith M. K. *Issues in Cultural Tourism Studies*. — London: Routledge, 2009. — 272 p.
33. *The City and the Sign: an Introduction to Urban Semiotics* (eds. M. Gottdiener and A.P. Lagopoulos). — New York: Columbia University Press, 1986. — 256 p.
34. Tung A. M. *Preserving the World's Great Cities. The Destruction and Renewal of the Historic Metropolis*. — New York: Three Rivers Press, 2001. — 469 p.
35. Urry J. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century*. — London: Routledge, 2012. — 272 p.
36. Urry J. *The Tourist Gaze*. — London: Sage Publications, 2011. — 296 p.
37. Vale L. *Mediated Monuments and National Identity*. // (Re)constructing the Past. Proceeding of the Colloquium on History and Legitimation, organised by the Charles V 2000 Committee 24 - 27 February 1999, Brussels, Belgium (ed. by Jan Denolf & Barbara Simons). — Brussels, 2000. — P. 291-310.
38. Wiest M. *Beschränkter Pluralismus. Postkommunistische autoritäre Systeme*. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2006-09-08-wiest-de.html>
39. Wright P. *On Living in an Old Country: the National Past in Contemporary Britain*. — London: Verso, 2009. — 320 p.
40. Bauman Z. *Globalizaciya: posledstviya dlya cheloveka i obshchestva*. — M.: Ves' mir, 2004. — 188 c.
41. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. — M.: Logos, 2002. — 390 c.
42. Vasil'chenko A. V. *Imperskaya tektonika. Arhitektura III Pejha*. — M.: Veche, 2010. — 376 c.
43. Vasykin A. A., Nazarenko YU. I. *Stalinskie neboskreby: ot Dvorca Sovetov k vysotnym zdaniyam*. — M.: Sputnik, 2009. — 236 c.
44. Galinovskaya YU. *Semiosfera sovetskogo: k voprosu o semioticheskoy ehkologii. O desovetizacii. Belarus', nachalo HKHI veka. Materialy seminarov-konferencii g. SHilute (Litva) 20-24 avgusta 2007 g.* — Minsk: Centr social'nyh inovacij, 2008. — С. 52-60.
45. Gorak S. "Velikoe vozrozhdenie": prodolzhenie ideologicheskoy tradicii Turkmenistana. URL: <http://www.politex.info/content/view/600/30/>
46. Gorak S. *Mify Velikogo Turkmenbashi*. URL: <http://slavomirhorak.euweb.cz/turkmenistan-actae-urasica2005.pdf>
47. Gorak S. *Portret Turkmenbashi kak mifologicheskaya osnova ego rezhima*. // *Vestnik Evrazii*. 2007, No. 2. — S. 139-165.
48. Kastel's M. *Inoformacionnaya ehpoza: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura*. — Moskva: GU VSHEH, 2000. — 608 s.
49. Klinau A. *Gorad SONca. Vizual'naya paehma pra Minsk. Fotoal'bom*. — Minsk: Logvinau, 2009. — 128 s.
50. Klinau A. *Malaya padarozhnaya knizhka pa Goradze SONca*. — Minsk: Logvinau, 2008. — 202 s.
51. Koup B. *Prizraki Marksa brodyat po Minsku po sledu Derrida*. // *Belorusskij format: nevidimaya real'nost'*. — Vil'nyus: EGU, 2008. - S. 498-521.
52. Mileryus N., *Sinhronizaciya i desinhronizaciya nastoyashchego i proshlogo na sovetskom i postsovetskom prostranstvah*. // *P.S. landshafty: optiki gorodskih issledovanij*. — Vil'nyus: EGU, 2008. — S. 37-62.
53. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu*. — Sankt-Peterburg: Simpozium, 2006. — 432 s.